

Время в секте проходило неспешно: начнём с того, что наши тренировки в секте стали намного проще — тысячелетний карп точно пошёл нам на пользу, и на недомелочи это отразилось больше всего, — ну, просто в случае всезнайки сравнить не получится, ибо он был простым человеком. Сначала сестрёнка, получая от этого чуть ли не физическое удовольствие, быстро нагнала остальных ребят в силе и выносливости, а потом стремительными темпами начала обгонять. Насколько я понял, она уже сформировала себе источник, так что это, вроде как, и не шибко удивительно, но дело было не только в нём. Кроме этого, сестрица постепенно начинала вести себя... как бы сказать? Более открыто и уверенно. О, нет, это не связано с тем, что она, получив «талант», нагнала, нет.

Всё проще — дело во мне.

Я влиял на неё. Постоянно общался, наглядно объяснял, что, как и почему делаю, а также то, как нужно общаться с остальной мелочью, чтобы они не нарывались на лишние конфликты, не причиняя им вреда (слишком сильного). Понимая, что у недомелочи есть полноценная психологическая травма на почве детей, их безопасности и заботе о них (да и, как я понял, много чего ещё), мне приходилось делать акценты на том, против чего предоставить какие-то аргументы было сложно даже не-совсем-маленькой-лисице — логика. Местами странная, но логика.

— Тебе необязательно кого-то по-настоящему сильно бить, — хмыкнул я, смотря в глаза серьёзной «маленькой лисицы». — Достаточно лишь показать, что ты можешь ударить. Показательно. Запугать, сестрица.

— Но я не могу причинить им вреда, — прикусила губу девочка. — Оппа, это не шутка. Когда я задумываюсь об этом, то начинаю видеть лица учеников, которых отправили на войну. Это слишком для меня.

— А они откуда будут знать, что ты их на самом деле не будешь бить? — веско заметил я. — Ну... Больно.

ПТСР в условиях псевдо-древнекитайского-корейского фэнтези... М-да.

Постепенно репутация сестрицы менялась. В конце концов, одно дело, когда её прикрывает старший брат — это, в общем-то, нормально, только уважения так не добиться — но совсем другое дело, когда девочка может постоять за себя сама и показать, что своё место она получила не просто так. Кроме того, что недомелочь начала обгонять остальную мелочь (какое достижение, хех) на тренировках, что было заметно невооружённым взглядом, она так же на спаррингах... как бы сказать?

Начала давить на соперников. По моим заветам.

— Н-не смотри на меня так, — опасливо направил деревянный меч мальчишка.

Сестрица чуть приподняла голову, её взгляд стал только мрачнее.

— Я твоя старшая наставница, Ча Хон До. Ты обращаешься ко мне неправильно.

Мальчишка открыл рот, непроизвольно переведя на меня взгляд. Увидев мою добрую, миролюбивую улыбку, малец совсем струхнул, за чем искоса следили и остальные дети. Любят же они на нас глазеть.

— Ты запомнила моё имя? — совсем струхнул паренёк.

— Я запомнила имена всех учеников секты, — добродушно улыбнулась Недомелочь. Она действительно любила детей, даже если они с ней плохо обращались. Ну, у каждого свои проблемы с головой, тут ничего не поделаешь. — Имя каждого.

Дети вокруг меня сглотнули, мальчишка, стоявший напротив сестрицы, едва не уронил меч.

Я чувствовал настоящую гордость за сестрицу. Даже учитель фехтования с интересом следил, а это показатель — мужик он вроде как не плохой, но весьма и весьма пофигистичный.

Было глупо отрицать, что менялось не только моё окружение. Менялся и я. Сестрица с нашим «слугой» уже в полной мере осознавали, как работает моё сердечко, и понимали, куда мне нужно двигаться. К тому же, концепция «стиля жизни» для них так же была более чем понятной — один это усвоил из романа (читер, блин), а вторая поняла, что боевые искусства, как ни странно, не только боевые искусства, благодаря жизненному опыту. Нельзя сказать, что я и сам не мог справиться, но постоянно... как бы сказать... Что-то упускал?

Просто стоит признать, что у меня были некоторые проблемы — мой менталитет отличался от менталитета местных слишком сильно, не давая настроиться на нужную «волну». И, как ни странно, мне решили помочь. Буквально корректировали путь, указывая на недочёты. Правда, занималась этим, по большей части, сестрица, ибо опыта имела в этом поболее; практически земляк выступал больше «свежим взглядом», с которым, к тому же, у меня частенько совпадали мысли — более современное мышление, в конце концов.

Вот, например:

— Оппа, ты ведёшь себя слишком... прямо, — наставительно объясняла мне прописные истины девчонка. — То, чего хочешь ты, не добиться одними лишь прямыми оскорблениями — тебе нужно действовать тоньше.

— И это говоришь мне ты, сестрица? — приподнял выразительно бровь я.

Недомелочь улыбнулась.

— У тебя слишком миловидная и нежная внешность, чтобы вести себя как варвар, оппа. — Она точно знала, что заденет меня этим. ТОЧНО ЗНАЛА! — Это дезориентирует и скорее путает, а не раздражает. Хотя, — погрузилась в воспоминания девчонка. — У тебя явно есть талант в этом. Но это не важно. Тебе нужно вести себя больше, как... — сестрица серьёзно задумалась, не зная, какие слова подобрать.

— Как самовлюбленный сын богатого чиновника, — подсказал наш «слуга». Хотя, в последнее время он действительно нам прислуживает, пусть и больше на виду, так что... кхм, не так уж и формально.

— Да, Хван Мун Су прав! — загорелись глаза девчонки. — Только... не переборщи, оппа...

Ага, осталось ещё понять, что конкретно они имели в виду. В голове, конечно, лампочка загорелась, но...

Блин, нет, становиться индюком мне уж точно не хотелось. Разве что... Так. Так, так, так... показательно и с некоей неприкрытой самоиронией, изначально мне свойственной?

Сердце в груди забилось чуть быстрее, словно находя в этом какой-то отклик. Да, кажется, теперь понимаю! Меня немного пугает мысль, что есть буквальная необходимость меняться

под заданный образ, но успокаивает то, что люди носят социальные маски тысячи лет — это, по идее, нормально.

Понимание же, что без изменений не будет развития, успокаивало ещё больше. Здесь, в общем-то, главное, чтобы развитие было не отрицательным, кхе-кхе.

Что касается нашего читателя — он так же начал заниматься боевыми искусствами. Мы не могли передать ему технику секты Облачного Меча, только это особо и не требовалось — сестрица за жизнь смогла нарыть немало техник, да и перед смертью доработала искусство лазурного дракона. Недомелочь гордо заявила, что её конечный продукт по своей сути получился если не лучше теперешней техники облачного меча, то не отставал.

— Я поменяла основную концепцию техники, — хвасталась сестрица, и не думая скрывать гордой улыбки. — Вложила в неё суть лазурного дракона. То, чего не сделал её основатель, попытавшись не стать драконом, а просто повторить его, — лицо сестрицы ожесточилось. — Он не учел, что течение энергии отличается и что нужно стремиться не к подделке.

Явно вложила какой-то дополнительный философский смысл. Ох уж эти недобабульки.

— Это точно безопасно? — малость нервничал парень. — Я точно помню, где находятся хоро...

— Технику потом можно поменять, и не один раз, — сложила руки сестрица. — Ты ещё достаточно молод для этого. Мы с оппой не сможем тебя всё время защищать.

Читака вздохнул.

— Да, ты права, нуна, прости...

Тренировать его приходилось отдельно и скрытно, что накладывало некоторые сложности, но благодаря тому, что он употребил тысячелетнего карпа, развитие читаки так же было достаточно быстрым: по крайней мере, он уже не умрёт от первого попавшегося сверхчеловека, а там выступаю нашей основной ударной силой всё равно я.

...так, кажется, я про что-то забыл?

Ах, точно.

Понятное дело, что про Толстяка я не забыл. Он был для меня чем-то вроде отдушины и по-настоящему верного младшего. Да и, к тому же, с его помощью можно было проверять то, что лучше было лишний раз на глазах у всех не проверять, а то возникнут вопросы, на которые я ответить уж точно не смогу, а потом запущенный механизм уже остановить не получится. Мастер же, скорее всего, и так за нами наблюдает, так что об этом я уже как-то не парился.

Старичок и так уже знает столько, что дальше особо и некуда. Если мы ему скажем, что не уроженцы этого мира, то он, скорее всего, просто пожмёт плечами и меланхолично продолжит подметать секту, право слово.

Возвращаясь же к толстому бедолаге...

— С-старший наставник Ан Хаян, я так и не понял, что вы имеете в виду...

Я в который раз вздохнул.

— Просто стой на месте, мелочь, — осмотрел я с ног до головы Толстяка, привычно хлопнув его

по плечу. — Больно не будет. Ты максимум почувствуешь, что к твоей душе что-то прикасается и берёт под контроль.

Толстяк в ужасе открыл рот.

— Н-но...

— Всё будет хорошо, — заверил я своего протеже. — Главное, чтобы ты об этом никому не рассказывал, понимаешь?

— Конечно! — даже возмутился паренёк. — Я же пообещал!

Я цыкнул языком. Блин, какой же хороший парень. Жаль, что он попал в мою компанию.

Про подобные эксперименты сестрица с читакой не знали, да и вообще не слышали про то, что у меня есть такая способность. По факту, о ней пока знает только толстяк. Ну, может, ещё мастер догадывается, но на том и всё. Духовные нити — так я их решил назвать. Они были во всех встречных мне людях и животных, даже совсем маленьких насекомых. Нити, как бы сказать... Они не имели цвета, но у них были какие-то оттенки. Как ни странно, у меня не получалось то, что я видел, интерпретировать привычными словами и понятиями.

После того, как я их смог увидеть, управлять собственным телом через состояние внетелесности стало намного легче — духовные мозги, зафиксировав, наконец-то, то, что пытались смоделировать на протяжении длительного времени, намного легче воспринимали такое вот управление. Вместе же с этим, когда мне удалось обмотать призрачные пальцы этими нитями, мои движения приобрели в некоторых местах некую... неестественность.

Абсурдная точность. Абсурдный баланс тела — мне казалось, что я мог свой центр тяжести буквально перекидывать на нужные мне части тела, дёргая призрачными пальцами за нити физического (и, кажется, не только физического) тела. Апогеем моих экспериментов стало то, что я приноровился как бы выходить из тела, но как бы и оставаться в нём. Эмоции отходили на второй план, тело слушалось далеко за гранью слова «прекрасно», при этом оставляя некое подобие чувства боли.

Зачем? Чтобы окончательно крышей не поехать и не начать подсознательно подставляться под удары, чтобы выбрать лучший момент для атаки. Боль, как бы ни было неприятно это слышать, лучше чувствовать — это естественный защитный механизм. Она не только предупреждает мозг, что с телом что-то не так, но и рефлекторно заставляет этот же мозг быстро реагировать: тот же пример с чем-то горячим, когда берёшь его голыми руками.

Я уже за собой заметил, что стал намного пофигистичнее относиться к собственной тушке, как бы ни пытался контролировать всё.

Толстяк же нужен для того, чтобы вывести свои способности на новый уровень: раз я могу управлять своими нитями, то и чужими, ведь так?

Подойдя к дрожавшему толстячку почти вплотную, начал его осматривать. Со стороны, наверное, я выглядел стремновато.

— Я... я должен выжить, старший наставник, — едва ли не пропищал пухляш.

Я проигнорировал паренька, выйдя из тела. Призрачные нити, тянувшиеся к моему телу, всё ещё были обмотаны вокруг моих пальцев, но они нисколько не мешали двигаться и, казалось,

могли растягиваться, следуя за мной.

Прикоснуться к чужим нитям оказалось сложнее, чем я думал. Во-первых, было сопротивление от чужого тела, во-вторых, сам толстяк ощутил, что что-то происходит не то:

— Х-холодно, — был на грани слёз мелочь.

Я нахмурился, впрочем, не остановившись. Дотянуться до нитей удалось, как и прикоснуться к ним, но стоило попробовать их потянуть на себя, как перепуганный мелкий (ну, он уже выше меня, так-то) нервно дёрнулся и отпрыгнул от меня, трясаясь всем телом.

— С-старший наставник Ан Хаян, пожалуйста, хватит...

Естественно, эксперимент на этом пришлось закончить. Идею можно было теоретически реализовать, но чего-то не хватало. С толстяком я потом ещё отдельно долго общался и успокаивал, а после стал проводить ещё больше времени, чтобы как-то загладить вину. Несмотря на подобные эксперименты, кажется, я стал лучшим, настоящим и единственным другом для толстячка. Или уж скорее чем-то вроде старшего брата — немного странного, со своими недостатками, но родного и ценящего родню.

Было не шибко весело видеть, как он старается развиваться, как впихивает за десятерых, но постепенно отстаёт от остальных детей всё больше и больше. Когда все в нашем поколении уже могли выпустить Ци вовне, он лишь приближался к этому; когда тела детей в своей гибкости дошли до уровня профессиональных гимнастов, что для техники облачного меча было важно, толстячок просто застревал из-за своего пуза, неспособный нормально повторить некоторые движения. Я советовался по этому поводу с сестрицей и читакой, но пока техники для него нормальной ни у кого из нас не было, хотя и варианты существовали.

Один из них, и наиболее вероятный: толстячку нужно было стать демоническим мастером и буквально превратить своё физическое тело в оружие. Воздействие «праведной» Ци было просто слишком мягким и не могло в нужной мере трансформировать тело и использовать «накапливаемые» организмом «ресурсы», а лекарства, даже сокровища по типу тысячелетнего карпа, если и помогут, то временно — конституция тела толстяка была другой, но она не была неправильной или «поломанной». Просто другой.

Время же продолжало идти: мы вместе видели бури и снег, ветер, дождь и жару.

Постепенно мне удавалось подстраиваться под заданный образ всё лучше и лучше. Во многом это было благодаря тому, что наш старик, наконец-то, начал учить нас не только двигаться, но и дышать. Для этого он начал проводить отдельные, полноценные уроки дыхания, — конечно же, после уборки вечером. Убирали мы каждый день. В конце концов, мы дышим всю жизнь, и, когда делаем вдох, так же втягиваем в себя пусть совсем небольшую, но капельку Ци. Старейшина-уборщик учил втягивать больше и вместе с этим отдавать столько же, входя в подобие резонанса с окружением.

Местные, даже праведные мастера, привыкли больше брать, чем отдавать. Для демонических мастеров проблема была ощутима ещё больше — лично мне отдавать энергию, не извращая её, обратно, было намного сложнее, чем сестрице, не говоря о читаке. Понятное дело, что просто игнорировать паренёк какую-то «крутую штуку» не мог (и его можно понять), поэтому из коридора «незаметно» подсматривал и подслушивал, пытаюсь повторить, чему мастер не противился, относясь к этому максимально безразлично, видимо, не считая что-то такое каким-то слишком серьёзным нарушением, что, как бы, не так — за это и прибить могли, — но только не наш старичок. Хех, с нами и не такой Дзен познаешь.

Что немного расстраивало и било по самолюбию, даже у Всезнайки всё получалось в плане дыхания и резонанса с миром намного лучше и легче, чем у меня.

Но даже так — после таких уроков дышать становилось намного проще, в голове словно туман рассеивался. Вместе с этим становилось легче контролировать не только своё тело, но и психологическое состояние. Дыхательная практика мастера будто открыла совершенно новую дорогу, которая была чуть ли не идеально совместима как с боевыми искусствами, так и с моей... призрачной особенностью. Оставалось пересиливать недовольство чёрно-синего сердца, и добросовестно отдавать миру обратно чистую энергию.

Наша команда из трёх чужих этому миру людей не сидела сложа руки и строила, как и подобает маленьким детям, мировые планы: пока мы не спешили, так как никаких особых событий не происходило, а если и происходили, то мы физически ничего не могли сделать, да и пока речь идёт о довольно мелких «плюшках», по типу наследия покойного мастера в регионе Призрачной девы, которое смог себе забрать безымянный лучник (читака уточнил, что в романе он почти и не мелькал, обычный статист), или пробуждению какого-то спящего тигра на юго-западе. Об этом всём сестрица была ни слухом, ни духом, зато всезнайка, что не удивительно, знал и помнил.

У нас были ориентиры: мы собирались, когда нам исполнится по четырнадцать, покинуть секту. Да, мы понимали, что мастеру от этого будет, мягко говоря, не очень хорошо жить в секте после этого, однако план на этот случай у нас был — банально подстроить свою гибель. В четырнадцать лет мы как раз получим возможность частично отправляться в «путешествия» на пользу секты. К сожалению, выделенного времени и близко не хватало для наших планов, поэтому нужно было действовать иначе. Натуральное дезертирство получалось.

Естественно, как оно почти всегда случается, планы немножко так изменились.

Когда нам исполнилось по тринадцать лет, по секте прогремела новость: соревнования с сектой Небесного Клинка. Оказывается, у нас всё это время был какой-то конкурент — вообще впервые слышу, но все отреагировали так, будто это кто-то хорошо знакомый и которому обязательно нужно набить лицо. Мастер пожимал плечами, совершенно не интересуясь подобного рода конфликтами, поэтому тоже особого ничего не знал. Понять, что ситуация достаточно серьёзная, удалось лишь тогда, когда нас собрали старейшины секты.

— Долгие годы они подавляли нас, — заявила старуха.

— Насмехались над нами! — заявил старик.

— Порочили наше искусство!!! — совсем уж громогласно заявил третий старейшина.

Мастера второго поколения громогласно закричали. Мелочь, проникнувшись речью и криками старших, так же закричала. Остались спокойными лишь мы, находившиеся в самом конце толпы: я, старичок со своей извечной метлой, сестрица и наш читака, скромно стоявший сзади нас.

И, естественно, блин, имела секта под собой охренеть какое неприятное дно...